

ИСПОВЕДЬ СМЕРТНОГО ГРЕХА

ТОМ 5

МАКС ВАЛЬТЕР

Зверинец

Макс Вальтер

Исповедь смертного греха 5

«автор»

2026

Вальтер М.

Исповедь смертного греха 5 / М. Вальтер — «автор»,
2026 — (Зверинец)

Исаев мёртв, база захвачена, связи с корпорацией нет. По всей галактике гаснут врата, и это уже не осада одной планеты. Это война, в которой у человечества нет ни линии фронта, ни тыла. Крота я убил своими руками, но тот, кто им управлял, носит форму «Заслона» и стоит выше меня. И это не самое скверное. Рой пришёл на «Монолит». Колония умеет не только убивать, она умеет занимать чужие тела. Любой, кто говорит со мной, может оказаться уже не собой.

Содержание

Глава 1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Макс Вальтер

Исповедь смертного греха 5

Глава 1

Тишина

Первым вернулся вкус.

Металл на языке, солёный и густой, будто я целый час сосал медную трубку. Потом появилось ощущение холода в запястьях, там, где стояли катетеры. И только затем я почувствовал тело.

Оно отозвалось сразу всеми спектрами боли. Правое бедро тянуло тупо и глубоко, от кости наружу. Предплечье горело от кисти до локтя. Спина лежала на дне капсулы криво, и я не мог сообразить, как её выпрямить.

«Носитель в сознании».

Голос Каина развернулся внутри черепа ровно и буднично.

«Долго я?»

«Шестьдесят три часа в отключке и ещё сто девять в цикле восстановления. Итого семь суток и четыре часа».

Семь, мать его суток!

«Состояние?»

«Мышечная ткань правого бедра восстановлена на девяносто процентов. Сухожилия предплечья на семьдесят четыре. Микроразрывы по всей опорной группе, счёт идёт на сотни. Ресурс колонии просел на девятнадцать процентов от нормы. Турборежим недоступен».

«Насколько недоступен?»

«Совсем. Если ты попробуешь, я тебя не пушу».

Раньше он выдавал цифры и оставлял решение мне. Похоже, я действительно отдал больше, чем рассчитывал.

Я открыл глаза.

Крышка капсулы висела чуть в стороне, будучи открытой. Поддерживающий гель откачали, датчики сняли, остались только две иглы в сгибе левой руки. Надо мной был потолок. Серый, ребристый, с крепёжными рельсами.

Горели всего две секции из восьми, но лица я различал. А дальше начиналась темнота.

Друзья стояли вокруг капсулы полукругом и молчали, пока я моргал и пытался сфокусироваться.

Дашка ближе всех, у изголовья. Волосы собраны кое-как, узлом на затылке, из которого всё вылезло. Мишка за её плечом, опирается бедром о край стойки, левый глаз ушёл в сторону и не возвращается. Санёк у стены, руки скрещены, подбородок опущен. Карина справа, у самой капсулы, и её рука лежит на бортике в сантиметре от моего плеча.

За ними ещё двое. Лёха — здоровенный, сутулый, с забинтованной кистью. Марта рядом с ним, бледная до синевы под глазами.

Вся моя команда и вся команда Карины. Уже хорошо...

Я попробовал сесть.

Получилось на треть. Корпус пошёл вверх, бедро отозвалось вспышкой огня, локти разъехались по мокрому пластику и снова шлёпнулся обратно. Карина положила ладонь мне на грудину и надавила. Несильно, но не оставляя возможности для очередной попытки подняться.

— Лежи, — тихо сказала она.

— Да мне нормально...

— Тебе НЕ нормально. — Подруга сделала сильный акцент на предлоге. — У тебя бедренная мышца была наполовину разорвана. Капсула её сшила, но нагрузку она пока не держит.

— Я встану.

— Встанешь, но не сейчас. Через сутки — и то может быть.

Она смотрела на меня сверху вниз, спокойно, и я знал этот взгляд. С ним не спорят и не договариваются. Я перестал давить и опустил затылок на подголовник.

— Хорошо, — выдохнул я.

Мишка выдохнул в такт мне. Коротко, через нос.

Тишина держалась ещё пару секунд, и только сейчас до меня дошло, что она ненормальная. В медблоке всегда работают насосы, гудит вентиляция, попискивают стойки в соседнем боксе. Сейчас щёлкала только помпа моей капсулы.

— Что случилось? — спросил я.

Все посмотрели друг на друга. Быстро, в одно движение. Видимо они ещё не решили, кто будет говорить.

Дашка села на корточки у изголовья, чтобы её лицо оказалось на одном уровне с моим.

— А что ты помнишь? — спросила она.

— Всё помню.

— Кость... Давай по порядку.

— Кабинет Исаева, — начал я. — Я подал отчёт, он его прочитал. Дал добро на версию с кротом и приказал вести Шимохина в допросную. Я спустился в жилой блок, забрал его при своих, надел наручники и повёл вниз, к техническому переходу.

— Дальше.

— По дороге я его вскрывал. Ковалёв, четыре часа, Лебедев. Он всё подтвердил, но куратора не назвал. Сказал, что не назовёт ни под химией, ни как-то ещё.

Дашка кивнула. Она смотрела мне в глаза и сверяла с чем-то у себя.

— В коридоре, у самого перехода, стоял Исаев и ругал капитана ШОКа, — продолжил я. — Потом капитан убежал. Потом сирена и красный свет. Потом удар... Тяжёлый, с пылью с потолка.

Никто не отозвался. Мишка отвёл взгляд в пол.

— Дальше, — сказала Дашка.

— Дальше Димон рванул. Не от меня, а к... — Я осёкся и, сам того не замечая, затараторил: — Он пошёл на полковника. Каин сказал, что я не успеваю, и включил турборежим... Я его достал на последнем шаге и свернул шею... В смысле Димону... Хруст помню, руками. И как рвануло в предплечье, тоже помню. Дальше темнота...

Я перевёл дыхание. Оно давалось с трудом, словно лёгкие не разворачивались до конца.

— Всё сходится? — спросил я.

— Почти, — сказала Дашка и сразу отвела глаза.

Вот тут у меня внутри что-то кольнуло. Я отметил, что она смотрит в сторону, на стойку с инфузией, и что стойка её ничем не интересуется.

Я всё же приподнялся на локтях, и на этот раз Карина меня не остановила.

— Что с Исаевым?!

Никто не ответил.

— Карин!

Она молчала ровно столько, сколько нужно человеку, который решил не смягчать.

— Ты не успел, — произнесла она. — Полковник мёртв.

Слова легли куда-то в грудную клетку и там остановились.

Я помнил кадр. Последний, обрезанный турборежимом: Исаев разворачивается, поднимает руку в блок, локоть Димона идёт вперёд. И я помнил, что достал его... Достал раньше, чем удар дошёл.

— Он же не успел ударить, — сказал я.

— Успел.

— Каин?

«У меня нет записи, — отозвался он. — Турборежим оборвался на потере сознания, последние ноль восемь секунды не зафиксированы. Я знаю ровно столько же, сколько ты».

— Вас нашли в коридоре не сразу, — сказала Карина. — Всех троих. Ты, полковник и Шимохин. До технического уровня просто никто не дошёл.

Я опустил обратно и какое-то время смотрел в потолок. В те самые две светящиеся секции.

Исаев вытащил меня из «Зверинца». Он подписал бумагу, по которой малолетнего убийцу с шахтёрской колонии не закопали в яму, а положили в капсулу. Он знал про меня больше, чем я сам. Не сказать, что за всё это я был ему благодарен, просто потому, что у меня в принципе плохо с благодарностью. Но я знал, где он стоит на карте моей судьбы. Вся она была выстроена вокруг этой точки.

Теперь этой точки больше нет...

— Кто теперь за него? — спросил я.

— Я.

Голос пришёл из угла, от двери, глухо и без выражения.

Я повернул голову.

Он стоял там, куда свет уже не доставал, прислонившись плечом к косяку. Китель без знаков различия, рукава закатаны до локтя, на предплечье свежий шов, стянутый скобами и ничем не закрытый. Лицо серое, щетина давно не бритая.

Майор Михеев Александр Петрович.

— Товарищ майор...

— Лежи, капитан, — сказал он. — Не вставай.

Он не двинулся с места и больше ничего не добавил. Просто стоял и смотрел, как я его разглядываю.

А я разглядывал.

Потому что всё это казалось неправильным.

Место Исаева не занимают вот так. Его занимают приказом сверху, с объявлением по составу и сменой допусков, а не голосом из тёмного угла медблока. И принимает базу человек, у которого в этот момент штаб, связь и полсотни неотложных дел, а не тот, кто стоит у двери и ждёт, пока очнётся один капитан. Китель без знаков я видел на нём впервые. Шов даже не перевязан.

Свет... Всего две секции из восьми в медблоке с действующей капсулой, где освещение вообще не должно опускаться ниже полного. Значит, его опустили принудительно, по всему уровню, и мощность кто-то распределял вручную.

Звук. Вернее, его отсутствие. «Монолит» никогда не молчит. Вентиляция под два и одна десятая G, компрессоры, транспортные шахты, шаги по рёбрам перекрытий, которые слышно через две палубы. Я знал, как база звучит ночью, в тревогу и в выходной. Сейчас она не звучала никак.

И люди.

Дашка сидела на корточках в куртке не по размеру, и куртка явно была мужской. У Мишки на скуле ссадина, которой раньше не было. У Лёхи забинтована кисть, у Марты трясутся пальцы, и она прячет это, сцепив их в замок. Санёк за всё время не сказал ни слова, а Санёк молчит только тогда, когда у него нет готового блока, которым можно закрыть паузу.

Карина стояла у капсулы в чужом комбинезоне на два размера больше, с обрезанными руками. Коса исчезла. Волосы срезаны неровно, чуть ниже уха, под углом. Похоже ножом, в одно движение.

Я перебрал всё это за несколько секунд, и картинка мне очень не понравилась.

— Так, — сказал я, — а теперь рассказывайте по-настоящему.

Первым заговорил Мишка.

— Кокон, — начал он. — Тот удар, который ты почувствовал. Он вошёл в грунт в семи километрах от периметра, по северному сектору.

— Наш? С Полигона?

— Не знаю.

— Как это — не знаешь?

— Так и не знаю, Кость. — Мишка развёл руками. — Внешние камеры северного направления сдохли в первые минуты. У нас есть один кусок записи с дальнего датчика, длиной в четыре секунды, да и те в лютой засветке. Форма похожа. Размер тоже. Но то же это тело или второе такое же, никто тебе не скажет.

— Наш стартовал на наших глазах, — сказала Марта. Голос у неё был тихий и сиплый. — Пять суток пути до врат при их тяге. Сюда он мог прийти только через врата. Но откуда он взялся, из какой системы явился, никто не знает.

— Или не через врата, — сказал Лёха.

— Может, и так, — пожала плечами она.

Я лежал и смотрел в потолок.

Если этот кокон пришёл через врата, значит, рой умеет ими пользоваться. Если пришёл сам, значит, они умеют летать быстро.

— Дальше, — сказал я.

— Дальше он раскрылся. — Мишка щёлкнул пальцами. — Вот так, буквально за секунду. Датчики биоактивности по северу легли в течение первых минут, все разом. Дашка их выводила на общий экран, было видно, как фронт идёт от точки.

— Я думала, у меня сетка сыплется, — вставила Дашка. — Побежала смотреть логи, а там всё живое.

— Что живое? — не понял я.

— Фауна, Кость. Вся планета!

И вот тут до меня начало доходить.

«Монолит» стоит на планете, которую никто никогда не осваивал. Периметр здесь не декоративный. Два и одна десятая гравитации выращивают тварей под тонну весом, и я знал их по карточкам внутренней базы, куда нас загоняли на первом курсе. Триста с лишним видов, повадки, ареалы, схемы поведения при контакте. Одиночные охотники. Территориальные, злые и предсказуемые. К ограждению они не подходят, потому что их отучили. И сделали это максимально жёстко.

— Периметр атаковали через сорок минут после удара, — сказала Карина.

— Звери?

— Они...

— Сколько?

— Много, мы со счёта сбились, — сказал Лёха. — Но дело даже не в этом, а в том, как они шли.

Он замолчал, будто подбирал слова, и подбирал их долго.

— Сначала ударили в западные ворота, — сказал он наконец. — Особей тридцать, в лоб, по открытому. Их положили. Все посты стянули на запад, потому что там начиналось вторжение и потому что так положено. А через минуту с востока зашла основная масса, и их

там было уже не тридцать. И зашла эта масса ровно в тот сектор, из которого людей увели минутой раньше.

— Совпадение? — предположил я.

— Второй раз то же самое. И третий. Но на третьей волне они прошли в открытую секцию, потому что мы её сами открыли, когда перебрасывали резерв. Кость, они читали наши перемещения. Они выманивали...

— И турели они не обходили, — сказал Мишка, — Первая волна ложится на подходе, её перемалывают. Вторая идёт по телам первой и выносит башню, пока та остывает от перегрева. У турели сорок секунд до перегрева. Они подставились, дали ей эти сорок секунд и влезли.

— И они не жрали, — тихо сказала Дашка.

Я повернул к ней голову.

— Что? — снова не понял я из-за резкой смены темы.

— Они никого не ели, Кость. Ни зверьё друг друга, ни наших. Убивали и шли дальше. Ни одна тварь не остановилась над телом, чтобы оторвать себе кусок плоти.

В медблоке снова стало тихо.

— ШОК держал периметр два часа, — сказал Михеев из угла.

Все обернулись. Он стоял в той же позе и не двинулся с места.

— Две роты, подготовленные площадки, перекрёстный огонь и полный боекомплект, — продолжил он ровно. — Два часа. Потом восточный сектор перестал отвечать, и через двадцать минут за ним лёг центральный. Отход к шлюзам мы начали, когда отступать было уже некуда.

По тому, как он это сказал, я понял, что за словами «мы начали отход» стоят фамилии, которые он помнит поимённо.

— База захвачена?

— Верхние уровни, ангары, оба шлюза, транспортная шахта, — перечислил Михеев. — Всё, что выше семнадцатого горизонта, не наше.

— Эвакуация?

— Частично. Три борта ушли с площадки до того, как накрыли ангары. Гражданский персонал, лаборатории, часть курсантов младших потоков... — Он помолчал. — Четвёртый не взлетел.

— А остальные?

— Все здесь, — сказала Карина. — Все, кто успел спуститься и закрыться.

Я попытался это представить и понял, что получается плохо. Тревога, ночь, тысячи человек в замкнутом объёме и твари, которые уже внутри.

— Сколько нас?

— Двести девятнадцать, — сказал Михеев. — Утром было двести двадцать один.

Он не стал объяснять, куда делись двое, а я не стал спрашивать.

— Шесть суток, — сказал Мишка. — Мы тут сидим шесть суток, Кость. Ты — семь.

— И что делаете?

— Ничего. — Мишка криво усмехнулся, и левый глаз у него снова поехал в сторону. — В этом и прелесть. Мы сидим. Жратвы тут на две жизни, вода в замкнутом цикле, реактор в норме, воздух свой. Хоть год живи. Это же командный центр военного крыла, здесь всё рассчитано на осаду.

— Наверх не пробовали?

— Пробовали, — сказал Лёха и поднял забинтованную кисть. — На вторые сутки. Пятнадцать человек, разведка до восемнадцатого горизонта. Вернулось девять.

— Они словно ждали, — добавила Карина. — Сидели в темноте на лестничных пролётах и ждали, пока мы откроем гермодверь.

— Свет? — спросил я.

— Держим минимум, — ответила Дашка. — Реактор тянет, но всё, что мы включаем наверху, они слышат. Вентиляция на треть. Насосы по графику. Любое движение по системам они читают как открытую книгу, поэтому мы стараемся не отвечивать.

Я лежал в капсуле, смотрел на две тусклые секции над головой и наконец понял, что меня смущало с первой минуты.

Мы прятались. Двести девятнадцать человек в бронированном сердце военного крыла корпорации, с реактором, складами и арсеналом, боялись включить свет.

— А связь? — спросил я.

Вот тут они переглянулись по-настоящему.

— Связи нет, — сказал Михеев.

— Совсем?

— Передатчик работает. Мы бьём в сеть каждые шесть часов по всем протоколам, с кодом бедствия военного крыла. — Он оторвался от косяка и сделал два шага к капсуле, в свет. — Шесть суток, капитан. Двадцать четыре сеанса. Нам никто не ответил.

Я замолчал.

Друзья тоже притихли и смотрели на меня. Стояли вокруг капсулы и ждали, что я скажу, потому что больше ждать было не от кого, а сказать мне было нечего. Пауза тянулась, и никто её не нарушал.

Я повернул голову к Карине.

— Ты как?

Она пожала плечами и улыбнулась краем рта.

— Вроде нормально. Пока непонятно.

— Ясно.

Я не стал спрашивать дальше. Не здесь и не при всех.

«Каин. Колония восстановится?»

«Да».

«Сроки».

«Регенерация колонии запущена на вторые сутки цикла. Полное восстановление ресурса через двенадцать суток при нормальной нагрузке. Основные функции работают уже сейчас: интерфейс, зрение, коррекция, связь. Недоступен только турборежим и глубокая регенерация тканей».

«У нас нет двенадцати суток».

«Я знаю. Это не переговоры, это физика».

Я снова обвёл взглядом всех, кто стоял вокруг капсулы.

— Мне нужны данные, — сказал я, — Всё. Сводки с первого часа, журналы постов, записи с внешних и внутренних камер, спутник, показания датчиков. Без фильтра и без выжимок.

— Держи. — Дашка повела кистью, и в углу зрения развернулось окно доступа к внутреннему серверу.

Каин принял его молча и начал разбирать архив.

В отсеке опять стало тихо. Друзья не ушли, они просто стояли и ждали, пока я разбираюсь в ситуации.

Первым Каин вывел спутник.

Снимок был свежий, восьмичасовой давности, сделанный в узком окне, когда орбитальный аппарат проходил над северным полушарием. Я увидел свой квадрат сверху, с высоты, и сначала не понял, что смотрю на знакомую местность.

Леса не было. Не в смысле, что его снесло и образовалась равнина. Он исчез в том виде, каким я его помнил. Вместо тёмно-зелёного массива, который тянулся от базы до самого хребта, лежало белое полотно. Оно занимало почти весь кадр, километров пятнадцать в попе-

речнике, и края у него были неровные, рваные, с длинными языками, вытянутыми вдоль русел и распадков. Белое шло прямо по рельефу. Оно затекало в низины, поднималось по склонам, обтекало скальные выходы и снова смыкалось за ними. Под ним угадывались стволы, кроны, дорожные просеки, крыши дальних постов. Всё это осталось на месте, и всё это было под слоем, который сгладил контуры и превратил лес в сплошной мягкий ландшафт. Будто в этом месте прошла метель, которая не затронула другие участки планеты.

Я увеличил край пятна. Граница была живой, будто бахрома, и она уходила в темноту леса тонкими нитями, каждая по несколько десятков метров.

А в центре пятна стоял кокон.

Он вошёл в грунт носом и раскрылся. От точки удара расходились восемь лепестков, отогнутых наружу и вниз, каждый длиной с транспортный борт, с плавным изгибом и утолщением к основанию. Они лежали на земле, как лежат лепестки распустившейся лилии, и были того же белого цвета, только глянцевые, с влажным отблеском на солнце. Между ними поднималась центральная колонна, метров на восемьдесят, суженная к верхушке и раздвоенная на конце.

Из основания колонны во все стороны уходили жилы. Толстые у корня, в обхват, дальше сужающиеся в нитку. Они расползались по земле и терялись в белом покрове, и весь этот покров на пятнадцать километров вокруг был их продолжением.

Я смотрел на снимок и понимал, что смотрю не на упавший корабль, а на клумбу. Кто-то воткнул в планету семя, оно проросло, распустилось и теперь спокойно росло дальше, а всё, что раньше здесь жило, пошло ему на корень.

Каин прогнал сравнение с архивной съёмкой того же квадрата. Шесть суток назад пятно было четыре километра.

«Прирост два и одна десятая километра в сутки. Скорость снижается по мере удаления от центра», — высказал заключение он.

Я закрыл спутник и открыл внешние камеры.

Периметр снимали с четырёх уцелевших точек, и все четыре показывали примерно одно. Земля перед ограждением была завалена в несколько слоёв. Туши лежали вперемешку, обугленные, скрюченные, с оплавленными боками, некоторые прогорели до костей. Их жгли из огнёмётных и плазменных установок, и жгли много, судя по тому, что чёрная полоса тянулась метров на двести в глубину.

А между тушами ходили живые.

Они были белыми, с той же матовой плёнкой, которую я видел на Полигоне-9, выросшей поверх шкуры, морды и глаз. Часть двигалась медленно, часть стояла неподвижно. Они не искали и не принимались, а просто занимали пространство, не зная, чем себя занять.

И среди них ходили люди.

Каин подсветил силуэты и дал приближение на одном. Боец ШОКа, в броне, без шлема, с оторванной левой рукой по локоть. Он стоял у обломка ограждения, повернувшись к базе, и не шевелился. Каин отсчитал по записи четыре минуты, за которые тот не сменил позу ни разу.

Потом он резко повернул голову. Синхронно с тремя тварями рядом. В одну секунду и в одну сторону.

Я перебрал остальные метки. Их было много. Я узнал двоих по нашивкам и одного по росту.

Внутренние камеры показывали базу.

От периметра остались куски. Западные ворота сорвало с направляющих и вывернуло наружу, секции ограждения лежали плашмя, турельные башни стояли обгоревшими скелетами, у двух развернуло стволы вверх. Северное крыло наземного корпуса обрушилось на два этажа и теперь выглядело как яма, наполненная строительным мусором. Часть стены осталась стоять, окна выбиты все до одного, изнутри тянуло копотью по фасаду.

От дальних складов до сих пор шёл дым. Тонкой струйкой, ровно вверх, шесть суток подряд. Что там рвануло — не ясно.

Контейнерная площадка выглядела хуже всего. Её перепахали целиком. Тяжёлые контейнеры, которые кран берёт по одному, валялись раскрытыми, смятыми в гармошку, разорванными по сварке. Содержимое растащило по всей площадке и втоптало в грязь. Ящики, упаковка, техника, обшивка, чьё-то снаряжение. Всё это лежало в жиже, перемешанной гусеницами и лапами, а поверху, словно одеялом, накрывала белая корка.

Я прокрутил запись обратно, к первым часам, и посмотрел, что там творилось.

Они не искали в контейнерах еду. Они их вскрывали и выворачивали наизнанку, один за другим, методично, ряд за рядом, будто ищут что-то конкретное. Или методично уничтожают...

— Капец, — сказал я и с силой провёл ладонями по лицу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.